

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.36

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83

Дата поступления: 20.06.2024

рецензирования: 30.09.2024

принятия: 04.10.2024

О.Н. Бурмыкина

Социологический институт РАН – филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: o_burmykina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5368-845X>

Границы семьи: идентификация и динамика

Аннотация: современное существование российских семей характеризуется разнообразием форм и стилей жизни. Изменение семейного ландшафта, включающего ряд кровных и некровных родственников и партнеров, расширяет понимание этого института, ведет к более широким определениям семьи и ее границ. Цель статьи – анализ динамики представлений молодых людей о границах семьи. В статье делается попытка междисциплинарного синтеза теоретического и практического знания, а именно применение семиотического анализа в социологическом исследовании. Теоретико-методологическая основа – концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода и культурно-семиотическая концепция Ю.М. Лотмана. Эмпирическую базу составили данные трех исследований, проведенных по аналогичной методике: 2007 г. ($n=213$), 2017 г. ($n=132$), 2023 г. ($n=113$).

На основе понятия «значимый член семьи» выявлена подвижность границ семьи. В ядро семьи из периферии «переместились» партнеры респондента – молодые люди, гражданские супруги. Движение на периферии оказалось интенсивнее, затрагивая как кровные, так и некровные линии родства. Наибольшие изменения произошли по структуре родственных связей. Концепция С.И. Голода позволила теоретически обосновать трансформации представлений о семье и ее границах. Подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дополнил представления о сути и о функциях границ семейной сферы и дал возможность теоретически интерпретировать их динамику. Междисциплинарный синтез социологического и семиотического знания при исследовании границ семейной сферы представляется перспективным.

Ключевые слова: семья; семейный контекст; значимый член семьи; идентификация; границы; динамика представлений.

Цитирование: Бурмыкина О.Н. Границы семьи: идентификация и динамика // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 74–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бурмыкина О.Н., 2024 – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 198005, г. Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.N. Burmykina

Sociological Institute of the RAS, Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St.-Petersburg, Russian Federation

E-mail: o_burmykina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5368-845X>

Family boundaries: identification and dynamics

Abstract: the modern existence of Russian families is characterized by a variety of lifestyle forms. The changing family landscape, which includes a range of blood and non-blood relatives and partners, expands the understanding of this institution, leading to broader definitions of the family and its boundaries. The purpose of the article is to analyze the dynamics of young people's representations about family boundaries. The article attempts an interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge, namely the appli-

cation of semiotic analysis in sociological research. The theoretical and methodological basis of the study is the concept of historical types of family relationships by S.I. Golod and the cultural-semiotic concept of Yu.M. Lotman. The empirical base consisted of data from three studies conducted using a similar methodology: 2007 ($n=213$), 2017 ($n=132$), 2023 ($n=113$).

Using the concept of “significant family member”, the mobility of family boundaries is revealed. The respondent’s partners – young people, common-law spouses – “moved” from the periphery to the core of the family. The greatest changes occurred in the structure of family ties. The concept of S.I. Golod made it possible to theoretically substantiate the transformation of ideas about the family and its boundaries. Yu.M. Lotman's approach to the analysis of the phenomenon of borderliness complemented the ideas about the essence and functions of the boundaries of the family sphere and made it possible to theoretically interpret their dynamics. Interdisciplinary synthesis of sociological and semiotic knowledge when studying the boundaries of the family sphere seems promising.

Key words: family; family context; significant family member; identification; boundaries; dynamics of representations.

Citation: Burmykina, O.N. (2024), Family boundaries: identification and dynamics, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 74–83, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Burmykina O.N., 2024** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS), Saint Petersburg, Russian Federation, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

Введение

Современное существование российских семей характеризуется разнообразием форм и стилей жизни, вариативностью индивидуального и семейного жизненного пути. Демографическая статистика фиксирует преобразования семейной структуры. Социологические исследования показывают многообразие семейных типов и конфигураций, размывание системы поведенческих норм и установок в семейно-брачной сфере, снижение значимости институциональных аспектов брака, расширение и подвижность границ семьи, трансформацию семейных ролей и функций. Изменение семейного ландшафта, включающего кровных и некровных родственников и партнеров, расширяет понимание этого института, ведет к более широким определениям семьи и ее границ. Эти определения отражают восприятие индивидуумами самих себя как членов семьи, подчеркивают не только кровно-родственные связи и официальный брачный статус, но и степень поддержки, которая существует между людьми, считающими себя семьей. Последовательное описание трансформации границ современной семьи, предполагающее соединение эмпирических исследований с теоретическим анализом данных процессов, позволяет получить картину реально-го семейного контекста.

Цель данной работы – изучение динамики представлений молодых людей о границах семьи и идентификации ее членов.

Задачи исследования заключались в эмпирической фиксации и теоретическом обосновании динамики представлений о значимых членах семьи и изменений семейного контекста петербургских студентов.

Эмпирическую базу составили данные трех исследований, проведенных по аналогичной методике. Первое исследование проведено в 2007 г. ($n=213$ человек), второе – в 2017 г. ($n=132$ человека), третье – в 2023 г. ($n=113$ человек). Опрашивались студенты петербургских вузов. Средний возраст респондентов в первых двух опросах – 19 лет, в последнем – 20 лет. Большая часть молодых людей еще не создали своей семьи (88 %, 90 % и 80 %), лишь единицы из них были женатыми или замужними людьми. В гражданском браке состоял 11 %, 8 % и 16 %. Эмпирический анализ опросов, проведенных в 2007 и 2017 годах, представлен в статьях (Бурмыкина 2008, 2018).

При выборе объекта исследований студенческой молодежи принималось во внимание следующее соображение. Студенты находятся в периоде вступления во взрослую жизнь (интервал от 17 до 25 лет). «Это так называемые наиболее «впечатлительные годы» (impressionable years), когда люди более всего восприимчивы к социальным изменениям. Опыт, накопленный в процессе социализации именно в этот период, оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся все менее и менее восприимчивыми к изменениям» (Радаев 2020, с. 38).

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологической основой исследования являются концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода и культурно-семиотическая концепция Ю.М. Лотмана.

Понятие границ семьи происходит из **теории семейных систем** (Bertalanffy 1968) и относится к

системным и подсистемным процессам участия в жизни семьи ее членов. Любая семья начинается с разбиения мира на внутреннее, семейное, «свое» пространство и внешнее, внесемейное, «чужое» пространство. Выделяют внутренние и внешние границы семьи. Само семейное пространство пересечено внутренними границами разного уровня – отдельных подсистем семьи, например, супружеских и родительских. Внешние границы семьи – это барьеры, отделяющие людей, которые находятся внутри семьи, от людей, которые находятся вне ее. Это означает отделение своего (члена семьи) от чужого (не входящего в состав семьи), отбор того или иного человека, усвоение им правил семьи, становление его членом семьи. Границы характеризуются степенью открытости / закрытости, мягкости / жесткости, проницаемости / непроницаемости, определенности / неопределенности.

Согласно **концепции исторических типов семейных отношений С.И. Голода**, критерием, определяющим исторический этап эволюции моногамии, служит **доминирование и характер одного из отношений**, составляющих суть семьи – **кровного родства, порождения и свойства**. Исходя из этой логики, сконструированы **патриархальный или традиционный, детоцентристский или современный и супружеский или постсовременный идеальные типы**. Все они функционируют параллельно, образуя широкий спектр моделей (Голод 1998, с. 91–92). В конце XX века зафиксированы «следы» патриархального типа, пик детоцентристского и становление супружеского, минимально унифицированного, открывающего перспективу для личностного самовыражения. Наряду с моногамными типами, получил распространение и ряд нетрадиционных моделей: внебрачные семьи (неполные и материнские), альтернативные семейные стили (фактические браки (сожительства), повторные браки («последовательная полигамия») и семьи с неродными родителями) и альтернативные браки (полигамные браки). По мнению С.И. Голода, базовой семьей, несмотря на ее существенную трансформацию, как и в прошлом, остается моногамия.

Институт семьи трансформируется по законам общества и по имманентным этому институту закономерностям. Приведем примеры показателей трансформации современной семейной сферы, указанных С.И. Голодом и наиболее важных для нашего исследования.

Механизмы детерминации поведения людей оказываются намного меньше связанными с заданными нормами, жесткими внешними предписаниями. Явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах уже не могут интерпретироваться как отклонение от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом ин-

ституте семьи. По мере прохождения этапов трансформации и возникающих на их основе типов семьи относительность нормативности возрастает. «С социологической точки зрения обнаруживается неоднозначность, гибкость нормативной системы. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Не воспринимаются маргинальными дети, рожденные вне брака. Словом, современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» (Голод 1998, с. 60–61). Следствием относительности нормативности и является нарастание процесса многообразия в организации семейной и частной жизни и социальная приемлемость ее нетрадиционных форм.

В ходе эволюции моногамной семьи возрастает значимость близких, доверительных отношений – интимности – не только по супружеской линии, но и по линии других членов семьи: родители – дети, старшее – младшее поколение. Интимизация индивида характеризуется усложнением его внутреннего мира, самоконструированием, самоактуализацией. На инструментальном уровне интимность представлена в виде совокупного показателя (индекса), сконструированного из четырех составляющих – симпатии, расположенности, признательности и эротической привязанности, которые семантически и статистически тесно взаимосвязаны (Голод 1998, с. 141).

В культурно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана понятие границы имеет существенное значение для понимания семиотики культуры, объяснения структуры и механизмов трансформации культурного пространства – семиосферы. Под семиосферой Лотман понимает пространство культуры, в котором осуществляется знаковая коммуникация и становится возможным семиозис, то есть процесс функционирования знаков культуры и культурных текстов (Демин 2018, с. 246). Различают два типа границ: «внешние» границы семиосферы (границы между семиосферой (сферой культуры) и внесемиотической реальностью (сферой природы)) и внутрисемиотические границы (границы между различными языками, текстами культуры). Граница представляется как место, в котором осуществляется семиозис, протекают процессы семиотизации и десемиотизации. «... наиболее «горячими» точками семиобразовательных процессов являются границы семиосферы. Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимо-

прилегающим семиосферам. Граница би- и полилингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», **место трансформации «внешнего» во «внутреннее», это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»** (Лотман 2000, с. 263). В той степени, в которой граница оказывается проницаемой и подвижной, она становится источником трансформации культурно-семиотической системы.

Важнейшим постулатом культурно-семиотической концепции является положение об асимметрии структуры семиосферы. «Асимметрия проявляется в соотношении центр семиосферы и ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это естественный язык данной культуры» (Лотман 2000, с. 254). Периферия же определяется как приграничная зона культуры, в которой интенсивность семиотических процессов наиболее высока, поскольку здесь происходят постоянные вторжения в нее извне. Именно периферия и приграничные области обладают наибольшим потенциалом для развития культуры, «это – область ее семиотической динамики» (Лотман 2000, с. 259). Отметим еще один момент, на который обращает внимание Ю.М. Лотман: процесс перемещения периферии культуры в центр и оттеснение центра на периферию. «В равной мере мы можем наблюдать перемещение норм поведения, языка, стиля одежды и т. д. из пограничной сферы культуры в ее центр» (Лотман 2000, с. 267).

Идентификация и измерение границ семьи

Одним из способов определения границ семьи является идентификация ее членов. В течение длительного времени эта проблема считалась тривиальной, поскольку семья и ее члены определялись в соответствии с критериями кровного родства, ведения общего домашнего хозяйства и совместного проживания. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нуклеарной семье. Изменяющиеся ценности и эволюция форм семейной жизни в современных обществах поставили под сомнение предположение об идентичности членов семьи и нуклеарной семьи. Определение членов семьи не ограничивается набором семейных ролей или членством в домохозяйстве. Это подтверждается значительным расширением числа этих ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков и возросшей значимостью разнообразия псевдородственных связей, то есть взаимоотношений людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи. Одни люди членами семьи считают только наиболее близких

людей, таких как живущих вместе супругов и детей, в то время как другие включают широкий ряд других людей, начиная от родственников супругов до друзей и подруг.

Отечественные исследователи обращают внимание на необходимость учета при определении семьи субъективных оценок. Т.А. Гурко отмечает, что «семья» с субъективной точки зрения подразумевает тех людей, которых сам человек в нее включает, имея в виду, что это «моя семья» или «мои семьи» (Гурко 2008, с. 61). Этот вывод основывался на результатах анкетирования в 1995 г. 980 подростков, учащихся девятых классов. В состав семьи подростки включали отцов, с которыми матери были разведены, бабушек, дедушек и других родственников, проживавших в других городах, кошек и собак, но могли не считать членом своей семьи отчима, сводного брата или сестру (Гурко 2008).

Н.Ю. Егорова, исследуя особенности функционирования супружества в современной России, говорит об интенсивности процессов в семейном пространстве. Привычные понятия брака, семьи недостаточны для описания всей палитры близких отношений. Супружество не просто описывает качественные параметры взаимодействия между супругами. Оно становится самостоятельной структурой, а брак – одной из форм ее существования. Отнесение к «семье» разнообразных структурных форм супружества, функциональность определяются не фиксацией брака, а самоидентификацией партнеров. На повестке дня – необходимость расширения границ понятий «супружество» и «семья» и их четкого описания (Егорова 2018). Необходимость пересмотра границ семьи вызвана высоким уровнем разводов и растущим числом фактических браков.

В.А. Гневашева предлагает уточнить понятие «семья», включив в него признание дополнительных семейных структур и вариаций семейных отношений. «При современном социальном конструировании семьи базовые позиции определения семьи через механизмы нормативного регулирования – брака, экономического и социального распределения ролей становятся несостоятельными» (Гневашева 2023, с. 65).

Важность принятия во внимание семейного контекста приводит к использованию при идентификации членов семьи категории «значимый член семьи» (Widmer 2006, 2016). «**Значимый член семьи**» – это тот человек, который играл определенную роль в течение ряда лет жизни респондента и кого он считал членом своей семьи. Респондентов просили указать всех людей, которых они рассматривали как значимых членов своей семьи, и дать точное описание своей связи (родственной или неродственной) и линий родства (отцовской или материнской) с ними.

Семейный контекст выявлялся на основе ответов на вопрос о значимых членах семьи и оценивался по ряду индикаторов: *состав семьи*: полная/неполная; *тип семьи*: нуклеарная/расширенная; *линии родства*: только нуклеарная семья; только материнская или отцовская линии; материнская, отцовская линии и некровное родство. В качестве типобразующих признаков эмпирической типологии конфигураций семей выступали линии родства и кровность / некровность семейных связей. На основе данных признаков были построены *пять типов конфигураций семей*. В первый тип вошли только члены нуклеарных семей (матери и отцы, родные сестры и братья). Второй и третий типы фокусировались на членах нуклеарной семьи и кровных родственниках только по материнской и только по отцовской линиям. Четвертый тип составили члены нуклеарной семьи и кровные родственники и со стороны матери, и со стороны отца. В пятом типе к нуклеарной семье и кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники, партнеры и друзья (Бурмыкина 2008, с. 51).

Динамика представлений о значимых членах семьи

Анализ динамики представлений молодого поколения о значимых членах семьи проводился на основе сравнения ранжированного списка членов семьи, которые были указаны как значимые. Точкой отсчета явилось исследование 2007 г., в котором определилась структура значимых членов семьи. В ней четко выделились *ядро* (первые ранговые места занимали члены нуклеарной семьи – мать, отец, братья и сестры, а также прародители), *ближняя периферия* (двоюродные братья и сестры; тети и дяди с супругами) и *дальняя периферия* (троюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, прапра-родители; партнеры респондента – молодой человек, девушка, гражданский муж; подруги, друзья; крестные, мачехи и отчимы, супруги братьев и сестер). Предполагалось, что изменения структуры значимых членов семьи будут происходить главным образом на ее периферии, ядро же останется неизменным. Сохранится высокая значимость прародителей. Возрастет значимость партнеров респондентов.

Как показывает табл. 1, изменения затронули и ядро, и периферию. Неизменным и стабильным в *ядре* остались места матери и отца, а также бабушки по материнской линии: они занимают первые ранговые позиции. Мать по-прежнему является самым главным членом семьи. Свое положение сохранили родные братья и сестры, бабушки со стороны отца и дедушки со стороны матери в отличие от дедушек по линии отца и сестер матери.

Самым заметным изменением стало то, что в ядро значимых членов семьи из дальней периферии «переместились» партнеры респондента – молодые люди, девушки, гражданские супруги (с 15 на 5 ранг). Ядро стало включать людей, связанных как кровными, так и некровными узами.

Большие изменения затронули периферию структуры, причем движение происходило из дальней периферии в ближнюю и обратно. В 2007 г. в *ближнюю периферию* входили в основном кровные родственники – дедушка по отцовской линии, двоюродные и троюродные братья и сестры, тети и дяди. Названные родственники были представлены мужьями и женами братьев и сестер матери и отца. К 2017 году сохранилось число указанных кровных родственников. К числу же названных добавились крестные родители, отчимы и мачехи, партнеры братьев и сестер респондента, а также подруги и друзья. В 2023 г. на своих позициях остались кровные родственники и подруги и друзья. *Дальнюю периферию* составляли «дальние родственники» в привычном понимании: двоюродные и троюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, прабабушки; партнеры родителей, крестные, супруги братьев и сестер респондента и его родителей, родственники гражданских жен и мужей; партнеры респондентов: молодые люди, девушки, гражданские жены и мужья; друзья. Как уже отмечалось, самым заметным движением было перемещение в центр партнеров респондентов. Упрочили свои позиции подруги и друзья, передвинувшись с 15 на 10 ранговое место. Позиции некоторых кровных родственников (сестер и братьев отца) сместились вниз, а названных – крестных, отчимов и мачех оказались нестабильными: их места в структуре то повышались, то понижались. Вышли из числа значимых членов семьи двоюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, супруги братьев и сестер респондента. Кровные родственники самого младшего поколения (племянники) и самого старшего поколения (прабабушки), а также мужья и жены респондентов сохранили свое присутствие, хотя и незначительное. Движение на периферии оказалось более интенсивным, затрагивая как кровные, так и некровные линии родства.

Динамика семейного контекста

Предполагалось, что семейный контекст студентов останется разнообразным. Будут представлены нуклеарные и расширенные семьи, состоящие из нескольких поколений; полные и неполные; семьи, включающие кровных и некровных родственников. Изменения в структуре значимых членов семьи отразятся и в структуре родственных связей и линий родства.

В табл. 2 показано, как менялся семейный контекст.

Таблица 1

Динамика представлений молодого поколения о значимых членах семьи (2007–2017–2023 гг.)
(% выбравших данного члена семьи)

Table 1

Dynamics of the younger generation's ideas about significant family members (2007–2017–2023)
(% of those who chose this family member)

Наименование значимого члена семьи	2007 n=213	ранг	2017 n=132	ранг	2023 n=113	ранг
Мать	94	1	99	1	91	1
Отец	82	2	84	2	73	2
Бабушка/ линия матери	62	3	67	3	47	3
Брат	34	4	36	5	36	4
Сестра	32	5	27	7	33	6
Сестра матери	31	6	11	12	20	9
Дедушка/линия матери	29	7	33	6	21	8
Бабушка/линия отца	29	7	37	4	28	7
Двоюродные братья и сестры респондента/линия матери	22	8	17	9	11	13
Дедушка /линия отца	19	9	21	8	17	11
Брат матери	18	10	11	11	12	12
Сестра отца	11	11	7	13	8	14
Супруги братьев и сестер матери и отца	10	12	4	16	7	15
Брат отца	8	13	5	15	7	15
Двоюродные братья и сестры респондента/линия отца	8	13	8	12	11	13
Супруги братьев и сестер респондента	6	14	7	13	-	-
Подруги, друзья	4	15	13	10	19	10
Молодой человек, девушка, гражданский муж	4	15	27	7	34	5
Двоюродные прародители /линии отца и матери	4	15	2	17	-	-
Крестные родители	3	16	8	12	5	16
Отчим, мачеха	3	17	8	12	7	15
Двоюродные братья и сестры матери и отца	3	18	-	-	-	-
Мать молодого человека, отчима	2	19	2	17	7	15
Прабабушки	2	20	4	16	1	17
Троюродные сестры/ линия отца и матери	1	21	6	14	1	17
Племянники	-	-	7	13	1	17
Муж, жена	1	21	2	17	1	17

Таблица 2

Динамика семейного контекста: 2007–2023 гг.

Table 2

Dynamics of the family context: 2007–2023

	2007 % (n=213)	2017 % (n=132)	2023 % (n=113)
<i>Состав и тип семьи</i>			
<i>Состав семьи</i>			
Полная	85	90	81
Неполная	15	10	19
<i>Тип семьи</i>			
Нуклеарная	15	11	13
Расширенная	85	89	87
<i>Линии родства и родственные связи</i>			
<i>Линии родства</i>			
Только нуклеарная семья	13	8	13
Только материнская линия	28	17	13
Только отцовская линия	5	1	7
Материнская и отцовская линии	29	25	15
Материнская, отцовская линии и некровные родственники	25	49	50 *
<i>Родственные связи</i>			
Только кровные	73	52	48 *
Не только кровные	27	48	50

* Сумма ответов меньше 100 %, поскольку 2 % респондентов не дали ответ.

На протяжении всего периода исследований большинство молодых людей жили в полных семьях с обоими родителями и в расширенных семьях, состоящих из нескольких поколений. Динамика изменений расширенных семей оставалась практически стабильной (85 % в 2007 г., 89 % в 2017 г., и 87 % в 2023 г.). Динамика же состава семей была неустойчива: в период с 2017 г. по 2023 г. доля полных семей сократилась с 90 % до 81 %, а неполных – возросла с 10 % до 19 %.

Наибольшие изменения произошли по линиям родства и структуре родственных связей. Анализ данных исследования 2007 г. не показал явного доминирования типов семей, выделенных на основе линий родства. Наиболее распространенными оказались типы семей по материнской и отцовской линиям (29 %), только по материнской линии (28 %) и тип, в котором к кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники и партнеры, друзья и подруги (25 %). Их общая черта – ориентированность на кровное родство по материнской линии (Бурмыкина 2008, с. 54). Через десять лет ситуация изменилась и далее стабилизировалась: доминирующим стал комби-

нированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров (2017 г. – 49 %, 2023 г. – 50 %). Продолжали сокращаться семьи, выделенные только по материнской линии и по общей линии матери и отца. Незначительно возрос тип родства только по отцовской линии и вернулся к исходной точке тип, ограниченный членами нуклеарной семьи. Еще более показательна динамика изменений структуры родственных связей. Доля семей, в составе которых были только кровные родственники, сократилась (с 73 % до 48 %), а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла (с 27 % до 50 %).

Обсуждение полученных результатов и выводы

Использование категории «значимый член семьи», включающей критерий самоидентификации, позволило расширить представление о многообразии форм семейной жизни. Восприятие человеком значимых членов своей семьи определяет ее границы даже больше, чем такие практи-

ческие критерии выделения семьи, как совместное проживание, общее домохозяйство и общий бюджет, генеративные связи, экономическая или психологическая зависимость. Увеличивающаяся дифференциация и одновременное существование типов и моделей семейной и частной жизни и социальная приемлемость нетрадиционных их форм явились следствием релятивизации нормативности.

Оставаясь общественным регулятором, современная нормативность в отличие от традиционной в большей мере учитывает личностное своеобразие и предпочтения человека, о чем писал С.И. Голод. Прежняя норма жесткости границ семьи, куда включались только члены семьи, живущие вместе и ведущие общее хозяйство, становится относительной. Границы семьи расширяются, становятся гибкими в соответствии с новыми условиями жизни. Подтверждением расширения границы семьи, выявленного в исследовании, стало доминирование комбинированного типа семей, включающего как кровных родственников по материнской и отцовской линии, так и некровных родственников, партнеров и друзей. Динамика изменений структуры родственных связей показала установление практически паритета только кровных (48 %) и не только кровных, а также некровных и неродственных связей (50 %).

«Демографические процессы таковы, – писал С.И. Голод – что они напрямую не определяют характер отношений, который суть семьи: муж – жена, родители – дети, кровные родственники. Важно помнить, что трансформация семьи сопровождается сменой приоритетов и, в частности, процесс воспроизводства теряет количественно-экстенсивный смысл, приобретая качественный» (Голод, Клецин 1994, с. 38). Показателем этой «смены приоритетов» и является возрастание значимости близких, доверительных отношений – интимности. Сегодня фундамент семьи создают скорее отношения, в основе которых эмоциональная коммуникация. Отнесение людей, которых молодые люди считали значимыми членами своих семей, основывалось на опыте практической заботы и эмоциональных взаимодействиях. Об этом говорят комментарии, которые были даны при описании значимых членов семьи.

«Мать: доверие, любовь уют. Отец: теплота, опора, поддержка. Старшая сестра: наставления, помощь, пример. Старший брат: поддержка, доверие, взаимопомощь. Лучший друг: доверие, общие интересы, поддержка. Крестный папа: теплота, помощь, безопасность».

«Мама, у нас доверительные отношения. Моя мама самая лучшая в мире. Люблю ее».

«Отец – пример и друг. Мать – пример и друг. Младшая сестра – тот, о ком надо заботиться и присматривать».

«Значимым членом моей семьи является моя родная мать, в одиночку воспитавшая меня и моего старшего брата, с этим человеком я могу обсудить любую тему в любое время, а также получить поддержку».

Утверждение С.И. Голода о том, что базовой семьей, несмотря на ее существенную трансформацию, остается моногамия, подтверждается сохранением первых ранговых мест в структуре значимых членов семьи матери и отца.

Если концепция С.И. Голода позволяет теоретически обосновать трансформации представлений о семье и ее границах, то культурно-семиотический подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дает возможность теоретически интерпретировать динамику этих представлений.

Рассмотрим семейное пространство по аналогии с семиосферой, под которой понимается пространство культуры. Как и в контексте культуры, граница семьи, с одной стороны, ограничивает проникновение чужого и инородного, сохраняя и поддерживая тем самым целостность и идентичность семьи, с другой – адаптирует поступающие в семейную сферу извне внесемейные, нетрадиционные семейные формы, перерабатывает «внешнее» во «внутреннее». «Граница, отделяющая замкнутый мир семиозиса от внесемiotической реальности, полагал Ю.М. Лотман – **проницаема**. Она постоянно пересекается вторжениями из внесемiotической сферы, которые, врываясь, вносят с собой динамику, трансформируют само пространство, хотя одновременно сами трансформируются по его законам» (Лотман 2000, с. 102). Перефразируя Лотмана, можно сказать, что в границы семьи постоянно «вторгаются» внесемейные формы, новые типы семьи, они трансформируют само семейное пространство и одновременно трансформируются сами по законам семьи. Примером такого «вторжения» явилось перемещение в ядро значимых членов семьи из дальней периферии партнеров – молодых людей, гражданских супругов – людей, не связанных ни кровными, ни родственными узами. При этом они остаются инородными для семьи в традиционном ее понимании, хотя бы по факту их институционального непризнания в качестве членов семьи. Граница оказалась местом трансформации «внешнего во внутреннее» семейное пространство.

Структура значимых членов семьи асимметрична: в ней четко выделились центр (ядро) и периферия. В ядро входили мать, отец, братья и сестры, прародители, о которых говорят в первую очередь при представлении семьи. Сохранение ядра значимых членов семьи свидетельствовало о поддержании традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье. В то же время перемещение из периферии партнеров говорило о трансфор-

мации этих механизмов. Периферия – ближние и дальние родственники, а также партнеры и друзья являлась приграничной зоной семьи. Здесь динамические процессы оказались наиболее интенсивными, причем движение происходило как в центр, так и из дальней периферии в ближнюю и обратно, затрагивая кровные и некровные линии родства. Можно полагать, что именно приграничные зоны обладают наибольшим потенциалом для развития семейной сферы. Вариативность форм семьи, явившаяся следствием продолжающихся и необратимых эволюционных сдвигов в семейно-брачных отношениях, характеризует состояние семейной сферы на современном этапе ее развития. Современные модели семейного поведения во многом отличаются от стандартных, принятых моделей такого поведения в прошлом. Сегодня преобразования в институте семьи могут быть рассмотрены не как признаки кризиса семейной системы, а как адекватная её перестройка в ответ на изменения в социально-экономических и политических сферах жизни общества (Бурина, Кудинова 2020; Елисеева 2020).

Изменяющийся исторический контекст накладывает на реальный семейный контекст. Использование категории «значимый член семьи» позволило расширить представление о многообразии форм семейной жизни и выявить подвижность и расширение границ семьи. О подвижности границ говорило «перемещение» в ядро семьи из периферии партнеров респондентов, о расширении – доминирование комбинированного типа семей, включающего как кровных родственников по материнской и отцовской линии, так и некровных родственников, партнеров и друзей. Молодые люди при определении значимых членов семьи включали в их число не только тех, кого принято считать членами семьи, но и тех, кого они сами считали своей семьей. В их представлениях семейная идентификация выступала одним из главных признаков, определяющих семью, в то время как в официальных дискурсах о семье – нет. Отход от исключительного понимания семьи как триединства кровного родства, общего бюджета, жилища приводит к трансформациям семьи, отвечающим новым потребностям людей (Елисеева 2020, с. 25). Это ведет к необходимости расширения понятия семьи и ее границ в институциональном контексте.

Междисциплинарный синтез социологического и семиотического знания при исследовании границ семейной сферы представляется перспективным. Концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода стала основой для объяснения выявленных эмпирических фактов, в целом – для теоретического обоснования трансформации представлений о семье и ее границах. Она также оказалась открытой к взаимодействию

с концептуальными построениями другой дисциплины – семиотики. Подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дополнил представления о сути и о функциях границ семейной сферы и дал возможность теоретически интерпретировать их динамику, позволил подойти к раскрытию механизма трансформации семейного пространства. В основе этого механизма, его движущей силой является пересечение как внутренних, так и внешних границ семьи.

Библиографический список

Bertalanffy, L. von. (1968), *General systems theory: foundations, development, applications*, George Braziller, New York, USA.

Widmer, Eric D. (2006), Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 23 (6), pp. 979–998, DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407506070482>.

Widmer, E.D. (2016), *Family configurations. A structural approach to family diversity*, Routledge, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315581903>.

Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. №1. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-6> (дата обращения: 27.04.2024).

Бурмыкина О.Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3 (44). С. 48–64.

Бурмыкина О.Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.

Гневашева В.А. Социальное одиночество: конструирование новых моделей семьи. Чебоксары: Среда, 2023. 124 с. DOI: <https://doi.org/10.31483/a-10563>. URL: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10563.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 272 с.

Голод С.И., Клещин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование; СПб филиал Института социологии РАН. Санкт-Петербург, 1994. 42 с.

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. Москва: Институт социологии РАН, 2008. 325 с. <https://www.isras.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

Демин И.В. Понятие границы в семиотике культуры Ю.М. Лотмана // Ярославский педаго-

гический вестник. 2018. № 3. С. 243–254. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10085>.

Егорова Н.Ю. Современная семья в системе супружества-родительства-родства // Семейная экосистема человека: монография З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев [и др.]. Н.Новгород, Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с. С. 34–53. (дата обращения: 27.04.2024).

Елисеева И.И. Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (4). С. 6–35. DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview>.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 2000. 704 с.

Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 224 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

References

Bertalanffy, L. von. (1968), *General systems theory: foundations, development, applications*, George Braziller, New York, USA.

Widmer, Eric D. (2006), Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 23 (6), pp. 979–998, DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407506070482>.

Widmer, E.D. (2016), *Family configurations. A structural approach to family diversity*, Routledge, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315581903>.

Burina, E.A. and Kudinova, A.E. (2000), Features of the modern Russian family in the context of socio-historical changes in the institution of parenthood, *Vestnik Mininskogo universiteta=Bulletin of Minin University*, vol. 8, no1, DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-6> (Accessed 27 April 2024).

Burmykina, O.N. (2008), Family and intergenerational interactions of St. Petersburg students at the beginning of the 21st century, *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XI, no. 3 (44), pp. 48–64.

Burmykina, O.N. (2018), Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017), *Peterburgskaya sociologiya segodnya=St. Petersburg Sociology Today*, no. 9, pp. 27–46.

Gnevasheva, V.A. (2023), *Social loneliness: constructing new family models, Sreda*,. Cheboksary, Russia, DOI: <https://doi.org/10.31483/a-10563>, [Online], available at: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10563.pdf> (Accessed 04 January 2024).

Golod, S.I. (1998), *Family and marriage: historical and sociological analysis*, Petropolis, St.-Petersburg, Russia.

Golod, S.I. and Kletsin, A.A. (1994), *State and prospects for family development. Theoretical and typological analysis. Empirical justification*, St.-Petersburg branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia.

Gurko, T.A. (2008), *Marriage and parenthood in Russia*, Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia, <https://www.isras.ru> (Accessed 27 April 2024).

Demin, I.V. (2018), The concept of borders in the semiotics of culture by Yu.M. Lotman, *Yaroslavl'skiy pedagogicheskiy vestnik=Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 243–254, DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10085>.

Egorova, N.Yu. (2018), Modern family in the system of marriage-parenthood-kinship, *Human family ecosystem: monograph*, Publishing house of NISOC, N.Novgorod, pp. 34–53 (Accessed 27 April 2024).

Eliseeva, I.I. (2020), Main family: background and prospects, *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*, no. 7 (4), pp. 6–35, DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview>.

Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosphere*, Art-SPb, St.-Petersburg, Russia.

Radaev, V. (2020), *Millennials: How Russian society is changing*, 2nd ed., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia, DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

Submitted: 20.06.2024

Revised: 30.09.2024

Accepted: 04.10.2024